

З.И. Резанова

Томский государственный университет

**Методологическая интеграция в процессе дискурс-анализа:
анализ дискурсивной картины мира***

Русистика рубежа веков, своеобразным образом преломляя и общемировые тенденции языкознания, испытывая влияние смежных наук (психологии, социологии, культурологии и т.д.) и в то же время продолжая собственный вектор развития, находится в настоящее время в некоем переходном состоянии, состоянии формирования нового представления о границах изучаемого объекта и, как следствие, о пределах используемых методов в конкретных лингвистических исследованиях. Лингвисты осознают эту переходность, рождение некоей новой парадигмальности, что отражается в многочисленных работах, в которых языковеды стремятся отразить современное состояние своей науки.

Знаменательно, что в языкознании приход нового века, начиная с 19 в., знаменовал становление новой парадигмы: компаративизма, затем структурализма и функционализма. Формирование научного лингвистического направления – это единство новой теории, представляющей язык-объект в новой аспектации и соответствующей новой методологии исследования. В настоящее время методологи науки много размышляют о принципиальном расширении границ языка как объекта лингвистического анализа и, как следствие, об изменении предметных сфер конкретных исследований, предопределяющем необходимость выработки соответствующей методологии.

В статье обсуждается вопрос о корреляции границ предмета и методов применительно к исследованиям языковой картины мира.

Термин «картина мира» широко применяется в современных гуманитарных исследованиях, номинируя некий глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, выступающий в качестве регулятива жизнедеятельности, проявляющийся в поведении человека, существующий в форме идеальной (как элемент сознания) и выраженный материально (в языке, живописи, музыке, costume, поведении, других семиотических системах) [Постовалова, 1988, с. 21]. В системе средств объективации картин мира язык занимает глубинное и базисное положение, так как является семиотической системой, опосредствующей функционирование других знаковых систем и синтетически воплощающей народное мирозерцание. Языковая картина мира, объективирующая часть глобального образа мира, воплощенного в совокупности естественных и искусственных семиотических систем, не может интерпретироваться как устроенная линейно, многомерность ее онтологии и функционального проявления есть производное сложности языка.

Самое обращение лингвистов к проблематике языковой картины мира есть одно из свидетельств глубоких парадигмальных сдвигов в лингвистике последней трети 20 в., проявившихся в преодолении границ «языка в себе и для себя», так как в таких работах языковые структуры и элементы предстают не как самостоя-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 2006 г, грант 64-04-64403 а/Т.

тельная цель исследования, но как средство постижения смежного объекта – когниции человека. Описание результатов языкового миромоделирования интерпретируется как путь выявления культурно обусловленных когнитивных моделей мира. Вследствие этого лингвистическая проблематика неизбежно соотносится с проблемным полем смежных гуманитарных наук и разрешается в пределах новых междисциплинарных наук когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Однако конкретные пути междисциплинарного теоретико-методологического синтеза различаются в зависимости от того, как решается вопрос о границах предмета исследования.

В существующей практике лингвистического описания языковой картины мира в современной русистике выявляется привычный для лингвистов 20 в. тип аспектирования объекта исследования в соответствии с сосюррианскими дихотомиями языка и речи, синхронного и диахронного среза языка. Рассмотрим значимость первого направления дихотомического членения языка-объекта в исследованиях языковой картины мира.

В первом варианте определения аспекта анализа языковая картина мира соотносится с гумбольдтианским понятием внутренней формы языка, предстает как воплощение особого способа ментально-языкового членения действительности, объективированного в структурах внешней языковой формы, прежде всего в грамматике языка, его лексиконе, проявляясь в степени разработанности синонимических рядов как языковым отражении ключевых концептов культуры, в системе внутренних форм слов, отражающих «привычные ходы мысли» при номинации явлений окружающего мира.

Предмет анализа определяет тип эмпирической базы исследования и круг привлекаемых источников. Изучение миромоделирующего потенциала языка опирается, в первую очередь, на данные грамматики и лексикона языка, в качестве базовых источников привлекаются прежде всего словари, описательные грамматики, анализируемые под новым углом зрения. Текстовый материал используется в качестве вторичных, вспомогательных источников, из которых извлекаются данные об условиях реализации языковых моделей интерпретации действительности. Предмет анализа – картина мира, репрезентированная системой языковых единиц – детерминирует иерархию применяемых методов: языковая картина мира моделируется совокупностью преимущественно собственно лингвистических методов и методик. При этом изучение способов языкового миромоделирования опирается на систему методов, выработанных в рамках системно-структурного описания языка, прежде всего на методы структурного анализа семантики. Базовыми приемами остаются в данном случае приемы компонентного и дистрибутивного анализа, с помощью которых и моделируется семантика в ходе дальнейшего исследования интерпретируемая как способ языковой репрезентации когнитивных структур. В качестве примера работ, выстроенных в использовании такой методологии можно привести «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» Е.В. Рахилиной [Рахилина, 2000], исследования метафорического фрагмента русской языковой картины мира [Скляревская, 1993; Лагута, 2003; Резанова, Мишанкина, Катунин, 2003; Юрина, 2005] и др.¹

Системно-структурный языковой анализ дополняется приемами текстологического анализа: выявляется спектр актуальных реализаций языковых смыслов, приводятся типовые контексты семантических моделей.

Текст в исследованиях языковой картины мира является предметом не только собственно лингвистических, но и культурологических рефлексий. В лингвокультурологический анализ вовлекаются «сильные» тексты культуры с целью вы-

¹ Здесь и далее приводятся лишь отдельные работы, в которых представлен тот или иной аспект характеризуемой методологии, мы не преследуем цели дать их исчерпывающий список.

деления в них некоего соответствия тем моделям миромоделирования, которые были выявлены с помощью собственно лингвистических методов; устанавливается корреляция с другими фактами культуры, представленная в виде культурологического комментария, используется прием взаимной верифицируемости результатов собственно лингвистического и культурологического исследования. Завершаться исследования подобной направленности могут приемами лингвокогнитивного моделирования, с помощью которых описывается содержание концептосферы этноса как ментально-языкового единства. Ярким примером такой компоновки приемов анализа являются работы А. Вежбицкой, см., например: [Вежбицкая, 1999].

Вариативность языковой картины мира коррелирует с варьированием этнической языковой системы: современные этнические языки распадаются на ряд подсистем (диалект, литературный язык и т.д.), что детерминируется социально и соотносится, по справедливому мнению Н.И. Толстого, с членением этнокультурного единства на субкультуры [Толстой, 1995, с. 16-17]. Эта вариативность языковой системы, соотносимая с разными вариантами этнической культуры, имеет следствием различие концептосфер вплоть до картины мира, репрезентированной в идиолекте одной языковой личности, в совокупности порождаемых ею текстов (см., например: [Гынгазова, 2004]).

Картины мира, воплощенные в отдельном тексте или их совокупности, объединяемой на основе единства автора, темы, жанра и т.д., моделируются также, прежде всего, собственно лингвистическими методами.

Текст в данном случае выступает в качестве первичного источника, предмет исследования – картина мира, воплощенная в отдельном тексте, совокупности текстов, объединяемых на основе единства автора, эпохи, литературного, художественного направления и т.д. Языковая картина мира, данные языковой системы привлекаются в качестве вторичного, но необходимого источника: чтобы понять направление варьирования, своеобразие текстовой интерпретации фрагмента мира, необходимо опора на знание базовых направлений языкового миромоделирования. Таким образом, первичны в исследованиях этого типа методики текстологического анализа, дополняются они методами культурологического комментирования и лингвокогнитивного моделирования, что представлено, например, в концептуальных исследованиях идиостиля [Болотнова, Бабенко, Васильева, 2001]

Современная функциональная лингвистика кардинально расширяет представление об объекте: это языковая деятельность, по Соссюру, включающая язык и речь как компоненты речевого акта, находящиеся в отношениях взаимной детерминации с его другими структурными элементами¹. Языковая деятельность, представленная в деятельностно-результативном единстве, в современном языкознании терминологизируется лексемой *дискурс*. Дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1990, с. 136-137].

Исследование языка в его дискурсивном аспекте – это выход за пределы «языка в себе и для себя» в пределы внешней лингвистики, в исследование взаимовлияний собственно языковых и внеязыковых факторов в процессах и результатах порождения речи. Данное обстоятельство естественным образом приводит к необходимости более кардинального выхода за пределы собственно лингвистиче-

¹ Такое понимание границ объекта языкознания сформулировал А.Е. Кибрик в постулате о функциональных границах: «все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, 1992, с. 20].

ских методов – в пределы социологии, психологии, культурологи, этнологии и является отражением формируемых новых по сути предметов исследования, имеющих гетерогенный характер (например, текст и ментальные механизмы, его порождающие: текст и явления культуры, в нем отраженные и его порождающие; тип текста и тип коммуниканта, его порождающий и т.д.).

Гетерогенность предмета исследования требует синтеза методологического, более равноправного, скоординированного использования методов, основывающегося на принципе взаимной верифицируемости и скоординированности результатов. Единство предмета исследования и соответствующей методологии формирует новое научное направление – лингвокультурологии, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики и т.д. Как подчеркивает М.Л. Макаров, «дискурс-анализ самым тщательным образом исследует предметно-содержательную сторону языковой коммуникации, уделяя, пожалуй, больше внимания ее социальной организации, чем формально лингвистической. Этим он качественно отличается от лингвистики текста или анализа диалога, как правило, ориентированных на выработку слабо учитывающих содержание схем (например, описывающих формальную связность текста или диалога)...

Наконец, дискурс-анализ все более явно приобретает когнитивную направленность, стремление посредством изучения речи решать вопросы о соотношении и взаимодействии внешнего и внутреннего миров человека, бытия и мышления, индивидуального и социального» [Макаров, 2003, с. 79-80].

Исследование дискурсивной картины мира – частная проблема дискурсивных исследований, вследствие чего ее предмет также имеет гетерогенный, не собственно языковой, не собственно речевой характер, но включает совокупность внешних социальных, психологических, шире – когнитивных, а также ситуативных детерминаций осуществления языковой деятельности.

Дискурсивная картина мира – часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами. Исходным для нас в данном случае является представление, сформулированное П. Серио, о том, что дискурс формируется как отражение некоего общего ментального мира, объединяющего коммуникантов. (Источник: [Степанов, 1995, с. 38-39]). Также В.З. Демьянков, давая определение этому явлению, отмечает, что «дискурс... создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не только последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по мере развертывания дискурса...» (Цитируется по: [Степанов, 1995, с. 37]).

Своеобразие дискурсивного миромоделирования предстает в анализе как отражение деятельностного, когнитивного, языкового опыта коммуникантов, своеобразия коммуникативных установок.

В содержательном плане дискурсивной картины мира выделяется дескриптивный, ценностный и деятельностный аспекты.

Дескриптивный компонент дискурсивной картины мира формируется 1) тематическими доминантами (ср., например, современный научно-медицинский дискурс и дискурс рок-музыкантов); 2) интерпретационной направленностью соответствующих тем, способами ментально-языковой репрезентации одного денотативного/референтного пространства (ср., например, научный и научно-педагогический дискурс, школьный и вузовский научно-педагогический дискурс). Мы выделяем в качестве варьирующихся аспектов: качественный (тип ментальной интерпретации объектов, фактов, попадающих в сферу коммуникации) и количественный (глубина интерпретации объекта, факта).

Ценностные компоненты составляют существенно значимую часть дискурсивной картины мира, что позволяет в практике лингвистического исследования

выделять в качестве самостоятельного предмета ценностную картину мира, которая интерпретируется как «часть языковой картины мира, моделируемая в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными, литературными сюжетами» [Карасик, 1996, с. 5].

В дискурсивных моделях мира также выделяется деятельностный аспект, так как существенной частью динамических моделей мира составляют сценарии коммуникативного поведения. Дискурсивные сценарии детерминируются принятыми нормами, общими для той или иной этнокультурной общности¹.

Содержательный план дискурсивной картины мира внутренне детерминирован системой семиотических средств репрезентации. В качестве элементов плана выражения дискурсивной картины мира наряду с семиотическими ресурсами естественного языка выступают семиотика жеста, мимики и др. в устной коммуникации; шрифта, рисунка и др., в письменной коммуникации. Современные типы массовой коммуникации представляют необычайно широкий спектр средств невербальной семиотики, вступающих в сложное взаимодействие с ресурсами естественного языка в дискурсивном пространстве.

Единство дескриптивной и ценностной картин мира в сочетании с единством принятых моделей дискурсивного поведения являются основой комфортного существования коммуникантов в определенном ментально-языковом пространстве.

Дискурс интерпретируется как живое динамическое образование, более или менее устойчивое, рождаемое единством картин мира, целеустановок коммуникантов, проявленное в системе текстов, выстраиваемых с использованием средств определенного языка, вступающих в сложное взаимодействие с ресурсами других семиотических систем.

Характеризуя принципы разграничения личностного и институционального дискурсов, представляя типологию социально маркированных типов коммуникации, В.И. Карасик отмечает историческую изменчивость типов дискурсов, являющуюся отражением социальной динамики общества. Нам бы хотелось подчеркнуть момент синхронной вариативности каждого из дискурсов, определяемую изменчивостью проявления дискурсивных параметров, к числу которых следует отнести: 1) тип коммуникантов (социальные, ролевые, личностные характеристики); 2) целевой параметр коммуникации; 3) сфера референтной отнесенности, отраженная в системе тематических доминант дискурса, сопряженная с совокупностью модусного обрамления; 4) характер кода – тип языка-системы, средства которого используются, использование средств других семиотических систем; 5) тип информационной среды, в которой протекает коммуникация; 6) комбинация данных параметров порождает своеобразие текста (текстов).

Подчеркнем момент системного единства дискурса, который предстает как живая динамическая система, все элементы которой скоординированы, находятся в условиях динамического равновесного состояния. Относительное равновесие создается в результате постоянной взаимной координации компонентов. Дискурс, рассматриваемый как живая динамическая система, относится к числу гибких систем, пребывающих во множестве актуальных вариантов. Варьируясь, каждый из дискурсивных параметров имеет следствием модификацию других, что предподре-

¹ И.А. Стернин предлагает следующую модель описания коммуникативного поведения той или иной лингвокультурной общности: 1) очерк национального характера; 2) доминантные особенности общения народа; 3) вербальное коммуникативное поведение (нормы речевого этикета и такие сюжеты, как общение с незнакомыми, общение в семье, в официальном учреждении, в гостях и т.д.); 4) невербальное коммуникативное поведение; 5) национальный социальный символизм (символика одежды, цветовых оттенков, подарков, примет и др.) [Стернин, 1996, с. 103].

деляется их единством, принципиальной скоординированностью в коммуникативном пространстве.

Так, например, массово-информационный дискурс составляет некую целостность, формируемую единством макроцели: создание информационного поля, адресованного не индивиду, но социальной группе или группам.

Варьирование данного типа дискурса предопределяется изменчивостью референциального параметра, т.е. тех сфер реальности, которые являются доминирующим предметом отражения в дискурсивном поле. Доминирующая референтная область на уровне порожденного текста проявляется в типе темы (тем) текста.

Тип референтной области активно взаимодействует с прагматическим фактором – доминантным полем модальностей, модальных рамок, оформляющих сообщение. Так, смена тем массовой коммуникации «классическая, рок- и поп-музыка» как правило сопровождается сменой речевого жанра, в том числе изменением общей тональности коммуникации.

Этот пример смены темы коммуникации может быть рассмотрен и в аспекте дискурсивной соотнесенности референтной области, типовой модальной рамки и типового адресата: варианты массово-информационного дискурса имеют типовых адресатов, которые представлены разными социовозрастными группами.

Один тип референтной области, соотнесенный с разными социовозрастными группами коммуникантов, также приводит к варьированию модальных рамок дискурса. Ср., например, часто обсуждаемое варьирование общественно-политического дискурса, характеризующегося единством референтной области, обусловленное сменой социальных групп коммуникантов: адресатов – правящие и оппозиционные партии, политический тип оппозиции, адресатов – молодежь, пенсионеры и т.д.

В варьировании массово-информационного дискурса большое значение имеет фактор адресата. Выделяют специально организованные дискурсивные пространства массовой коммуникации, ориентированные на школьников, (значимой оказывается градация младшего, среднего и старшего школьного возраста), студентов; коммуникативные пространства, ориентированные на определенные культурно-социальные группировки слушателей, зрителей или читателей (ср., например, издания, адресованные фанатам рок- и поп-музыкантов, спортивные молодежные издания и т.п.) Массовая коммуникация в настоящее время имеет и ярко выраженную гендерную дифференциацию, выявляются дискурсивные пространства, специально организованные для комфортного ментально-языкового существования домохозяйек, работающих женщин и т.д. Так, например, создание телевизионного канала «Домашний» с его тематическими и оценочными приоритетами свидетельствует о значимости данного социального адресатов в современном медийном пространстве России.

Соотношение всех компонентов коммуникативного акта оказывает влияние и на выбор кода – языка, подязыка, функционального стиля, функционального варианта идиолекта. Функционально ограниченные варианты кода избираются коммуникантами как соответствующие целям, условиям, теме общения, конвенциональным установкам, пристрастиям коммуникантов и т.д. С одной стороны, значимым оказывается ресурсный потенциал соответствующего подязыка общения, с другой – субъективная предрасположенность коммуникантов к использованию единиц того или иного вербального кода.

Несомненно, весьма значимым дискурсивным параметром является среда коммуникации. Особенно значим этот параметр в массово-информационном дискурсе, в котором связь между коммуникантами опосредствуется с помощью различных средств. Технически, специально формируемая среда массовой коммуникации создает тот или иной спектр условий реализации ресурсов естественного языка, создает особую среду воплощения речи. Особенно значим для дискурсив-

ной реализации способ взаимодействия вербальных средств с ресурсами других семиотических систем. Технические средства, опосредствующие коммуникационные процесс, накладывают определенные ограничения или представляют дополнительные возможности для реализации коммуникативных целей. Итак, основной параметр варьирования дискурса в данном случае – взаимодействие семиотики естественного языка с другими семиотическими системами, функциональное распределение внутри целостной системы мультимедийного текста. Варьирование данного дискурсивного параметра связано прежде всего с варьированием средств выражения картины мира, что – опосредствованно – может сказаться и на содержательном различии.

Практически все сферы современной массовой коммуникации существуют в мультимедийных информационных пространствах, активно опираясь на средства смежных семиотических систем: в радиоинформации – это средства естественной мультимедийности человеческой речи, опирающейся на семиотику мелодики, интонирования. Звуковая речь образуется единой структурой «звучания и пауз», которая «сочетается с динамической структурой», т.е. с усилением и ослаблением громкости, или звучности», которые, в свою очередь, выделяют такт, синтагму, высказывание, с интонационно-тембровой структурой речи, что создает фонетическую цельность речи, которая подкрепляется темпом [Рождественский, 1990, с. 301-302]

Массовая телевизионная коммуникация наряду с ресурсом естественной мультимедийности устной речи опирается на потенциал семиотики жеста, мимики, позы, в соединении с семиотической значимостью монтировки кадра и монтажа.

Особо следует сказать о семиотическом синтезе компьютерной коммуникации. Так, графическое представление речи, характерное, прежде всего, для книжно-письменной формы общения, значительно трансформируется под воздействием других параметров компьютерной коммуникации. В разных жанрах компьютерных текстов комбинация семиотических средств различна. Например, при организации коммуникативного пространства чатов в качестве основного средства выступает лексико-грамматический потенциал языка в соединении с семиотическими возможностями шрифта, пунктуации, смайликов. В организацию коммуникативного пространства сайтов включается семиотика изобразительных средств: рисунка, фотографии, анимации и т.д. При этом доминирующим, важнейшим и инвариантным средством выступают семиотические ресурсы естественного языка.

Наконец, любой дискурс в текстовом воплощении разворачивается как некая совокупность жанрово определенных текстов. Речевой жанр, как первичный, так и вторичный, обладает единством содержательных и структурных параметров. Содержательная, целевая, структурная специфика жанра проявляется в вариативности отражаемой картины мира, ее смысловых доминантах.

Вследствие сложной детерминированности системного единства дискурса всеми компонентами коммуникативного акта, природа которых зачастую выявляется как несобственно языковая, методология исследования дискурса как феномена в единстве его аспектов, в том числе аспекта дискурсивной картины мира, является синтетичной и междисциплинарной.

Во-первых, исследование дискурсивных картин мира опирается на методы моделирования собственно языковой картины мира. Исследователь определенного типа дискурса, реализованного в пределах какого-либо этноязыкового сообщества, в качестве исходной базы исследования должен располагать данными (или сформировать их в результате собственной исследовательской практики) о ключевых фрагментах национальной картины мира, об этноязыковых стереотипах и т.д., так как только на фоне такой обобщенной этноязыковой картины мира может

быть осознана специфичность дискурсивного миромоделирования по отношению к национальному стереотипу. И в данном случае обращение при моделировании дискурсивной картины мира к методам анализа семантики, выработанным в рамках системно-структурных исследований, является частным проявлением общей методологической направленности дискурс-анализа. Ср.: «Дискурс-анализ, будучи представителем функциональной парадигмы, органично интегрирует достижения и данные всей предшествующей формально-структурной лингвистики. Причем для этого у него есть свои особенные предпосылки: сама история возникновения дискурс-анализа как самостоятельного научного направления в изучении языка и языкового общения говорит о его глубоких формальных и структурных корнях» [Макаров, 2003, с. 84].

Во-вторых, элементы дискурсивной картины мира выявляются в практике текстологических исследований применением методов, апробированных в работах, посвященных исследованиям картин мира текста.

Но дискурс – это единство процесса порождения и восприятия текста. Дискурсивный аспект исследования языка актуализирует значимость факта диалогичности любого текста, его направленность к определенному типу адресата. Только реальность единства картин мира автора и адресата коммуникации рождает дискурсивное единство, вхождение в дискурс – это вхождение мир, единый для коммуникантов. Неорганичность картины мира, формируемой в рамках того или иного дискурса, для вступающего в данную систему общения человека может являться первым основанием разрыва коммуникации.

Анализ собственно лингвистический дает представление о картинах мира, воплощенных в текстах. Дискурсивный анализ призван смоделировать дискурс как реальное речевое взаимодействие, предполагает учет активной позиции слушающего, проявляющейся в том числе и вприятии или отрицании формируемой картины мира. Особенно остро эта проблема встает при обращении к институциональным дискурсам, формируемым как тип коммуникативного взаимодействия социальных групп. Прежде всего, это относимо к массово-информационному дискурсу.

Обращение к массово-информационному дискурсу для анализа картины мира весьма значимо, что определяется его поливариантностью, обращенностью к практически всем сферам современной жизни. Анализ картины мира, воплощенной в данных текстах, дает практически полное представление о доминирующей в массовом сознании картине мира, сложившейся в тех или иных исторических обстоятельствах, в определенной социополитической, культурной ситуации. При этом языковая картина мира массово-информационного дискурса предстает как некая мозаика частных дискурсивных вариантов, различающихся тематически, адресатно, медийно и т.д. Задача исследователя в данном случае – выявить как варианты данной картины мира, зависимые от изменчивости значимых дискурсивных параметров, так и наличие (или отсутствие) общей тенденции, элементов инвариантности.

Анализ институционального дискурса как процесса и результата реального активного коммуникативного взаимодействия авторов и адресатов требует привлечения не только собственно лингвистических, но психолингвистических, социолингвистических и собственно социологических методик, ориентированных прежде всего на выявление ментально-языковой реакции адресата на текст определенного типа, определение типа дискурса, избираемого той или иной социальной группой из информационно-речевого потока, из разнообразных когнитивно-языковых пространств. При исследовании должны быть определены границы адресной группы того или иного вида массовой коммуникации: это может быть социокультурный тип: представители архаического типа традиционного сознания (например, старообрядцы, жители сел, или, напротив, представители каких-либо

корпоративных сообществ), этнокультурный (в том числе представители различных диаспор), социогендерный (домохозяйки, работающие женщины, мужчины), социовозрастной (старшие школьники, студенты, пенсионеры и т.д.) и др. типы. Границы адресной группы определяются как в результате текстологического анализа (в текстах выявляются языковые маркеры адресной направленности), так и социолингвистических опросных методиках.

С использованием приемов анкетирования и интервьюирования определяется круг включаемых в личностное коммуникативное пространство членов той или иной реципиентной группы информационных субъектов: телевизионных каналов, типов изданий газет и журналов, радиостанций, сайтов сети Интернет и т.д. При этом, исходя и того, что практически каждый из данных информационных субъектов представляет собой сложно организованное информационное единство, анкетирование должно быть направлено на выявление аспектов привлекательности данных изданий, каналов и т.д. Способом последовательной конкретизации выявляется круг реальных коммуникативных пространств, в пределах которых транслируемая информация находит ответную, сочувственную реакцию слушающего. Выдвигается предположение о возможности осуществления дискурса как реального взаимодействия того или иного вещания (через посредство данной конкретной передачи) с данным типом слушателя. Таким образом определяются границы дискурса как некоей коммуникативной реальности.

На следующем этапе анализируются тексты соответствующего дискурса, методами текстологического анализа выявляется система ключевых концептов, реализованных в текстах того или иного дискурса.

При этом собственно текст, реализованный средствами естественного языка, рассматривается в единстве с символическим потенциалом других семиотических единиц, участвующих в построении информационного пространства дискурса. В связи с важностью учета символьных ресурсов других семиотических средств разворачиваемого дискурса, как особая методическая проблема рассматривается проблема транскрипции всей коммуникативной системы в текстовую запись, особенно острая при передаче всех типов устной коммуникации¹. Таким образом выявляются дескриптивные и оценочные компоненты формируемой в текстах того или иного дискурса картины мира. Только развернутая транскрипция дискурса дает возможность моделирования деятельностного аспекта формируемой в пределах дискурса картины мира. Моделирование этого аспекта особенно значимо в жанрах радио- и телевизионной массовой коммуникации, построенных в диалоговой форме. Следовательно, собственно текстологический анализ дополняется методиками анализа других знаковых систем, методиками культурологического комментирования, ситуативно-социологического анализа. В результате моделируется функциональное единство разных слоев картины мира, формируемой синтезом средств в сложно организованной информационной продукции того или иного субъекта массовой коммуникации.

Следующий этап анализа направлен на выявление степени корреляции ключевых элементов картины мира системе соответствующих смыслов в данной предметной, оценочной и поведенческой сфере, актуальных для данной адресной группы. В этом случае возможно сочетание прямого анкетирования, применения опросных методик, направленных на выявление оценочного отношения определенной группы адресатов к тому или иному типу картин мира, формируемых в избираемых реципиентами текстах, с использованием психолингвистических и собственно лингвистических экспериментов, в первую очередь свободного и направленного ассоциативного экспериментов, ориентированных на выявление соответ-

¹ См. подробный анализ вариантов транскрипции дискурса устной речи в: [Макаров 2003, с. 105-116].

ствия личностных вариантов тех фрагментов картины мира, которые были выявлены в результате текстологического анализа.

С использованием данной комбинации методов и конкретных приемов разрешается вопрос о степени совпадения картин мира адресатов и адресантов институционального дискурса и, как следствие – вопрос реальности осуществления дискурса как реального коммуникативного взаимодействия.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.

Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Гынгазова Л.Г. Миромоделирование в языке диалектной личности // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2004. Вып. 4.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск, 1996.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2. Новосибирск, 2003.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М., 1988.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен. М., 2000.

Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1. Воронеж, 2003.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и культура конца XX в., М., 1995.

Толстой Н.И. Язык и культура // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск, 2005.